

Ф.Л. Герард

**Граф Валмонтъ, или
Заблужденія разсудка**

Часть 2. Отделение 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф.Л. Герард**
Граф Валмонтъ, или Заблужденія разсудка: Часть 2. Отделение 1 / Ф.Л. Герард –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 268 с.

ISBN 978-5-518-09164-1

ISBN 978-5-518-09164-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

зами. Я обняла ее, и сама была пронупа. Послѣ живыхъ и чувствительнѣйшихъ выраженій сего безмолвнаго, но весьма вразумительнаго языка, я сказала доброй моей подружѣ: „Сенневиль! сердце твое угнѣшено, заключено печалію и сжато страхомъ; ему надобно открыться дружбѣ. О другъ мой! мы обѣ слишкомъ долго молчали.“ Слезы у нея полились сильнѣе, и она, спараясь остановить теченіе ихъ, отвѣчала: Коль я несчастна! я могла быть причиною твоего мученія. Вы уже знаете сіе, и я признана сама признаться въ томъ. Произнеся сіи слова, она обратила на меня орошенные слезами прекрасные глаза свои, и въ то же мгновение съ нѣкопрымъ стыдомъ погнупила ихъ. — Любезный мой другъ! отвѣчала я тогда, спараясь всячески ее утѣшить, хотя и сама имѣла въ томъ великую нужду: для чего ты стыдишься такого зла, которое не отъ твоей воли происходитъ, и споль много мучишься имъ, чего мы ни избѣ-

нушь, ни предусмотрѣшь не могли? — Ахъ! я была бы чудовищемъ, сказала она мнѣ, естли бы меньше была чувствительна; и хоня проступокъ мой не произвольной, но могу ли довольно наказать себя? Я должна была все сдѣлать и на все рѣшиться для изпребленія въ себѣ привязанности моей къ себѣ, какъ скоро бы примѣшила, что она дѣлалась для себя вредною; я должна была возвратиться въ прежнее жилище, изъ котораго вы меня взяли, осудить самое себя на печальнѣйшее уединеніе и навсегда замѣ започить себя, когда бѣ то было надобно... но я васъ любила; я надѣялась и боялась, чтобъ не произвестъ шуму. Заспѣчивость моя не допускала меня до такого смѣлаго поступка, которей могъ податься поводъ къ различнымъ безчисленнымъ полкамъ. По крайней мѣрѣ я должна была съ вами посовѣтоваться, и едва осмѣливалась говорить съ вами: но ваши мученія возрастали съ моими сшраданіями; привязанность моя съ ними умножилась, и дружба

моя превратилась въ подлинную
спрашивъ. Вотъ всѣ мои пропуски!
сердце мое не можетъ себѣ ни въ
чемъ болѣе попрекнущъ; и хопя бы
Вальмонтъ спокрашъ болѣе имѣлъ
прелестей, но поступокъ его въ
разсужденіи васъ сдѣлалъ бы меня
на всегда нечувствительною къ
нему. Судите, любезная моя при-
ятельница! по симъ двумъ пись-
мамъ: первое изъ нихъ не мо-
жетъ цепенерь умножишь вашихъ
мученій, а послѣднее еще лучше
покажетъ вамъ шайнѣйшія мои раз-
положенія!

При сихъ словахъ вынула она
изъ карманной книжки первое письмо,
котораго одинъ почеркъ привелъ
меня въ шрепетъ. Я увидѣла въ
немъ руку Вальмонта, и вотъ что
пущъ было написано:

„Любезнѣйшая Сенневиль! раз-
„въ любить васъ есть пресупле-
„ніе? Съ того времени, какъ вы
„чипаете въ глазахъ моихъ пожи-
„рающій меня пламень, и нескром-
„ное признаніе почти противъ моей
„воли подтвердило то, что они

„опваживались вамъ говорить: Для че-
„го убѣгаете меня? для чего холод-
„ность и принужденіе засыпаютъ
„мѣсто опкровенности и нѣжной
„дружбы, между нами царствовав-
„шей? Развѣ шѣмъ думаете изцѣ-
„лить болѣзни, вами мнѣ причи-
„ненные? или опасаетесь дѣлать
„ихъ со мною? Ахъ! онѣ опасны
„только тому, кто ихъ чувствуетъ,
„а не двумъ сердцамъ, сопряжен-
„нымъ одною склонностію; опасны
„только тому, кто сражается съ
„тою сладостнымъ чувствованіемъ;
„и ежели я долженъ въ чемъ либо
„себя укорять, то конечно въ томъ,
„что не опдался ему ранѣ. Любовь
„есть прелесть жизни нашей, и
„упорствованъ познаванъ ее, есть
„не хотѣть познать блаженства.
„Живи, Сенневиль! живи для того,
„чтобъ любить и быть любимой.
„Ежели живѣйшая и постояннѣй-
„шая любовь можетъ удовольство-
„вать желанія ваши, то ваши пре-
„лести весьма могутъ ручаться за
„горячность и постоянство моей
„любви. „

Послѣ сего письма Сенневиль дала мнѣ прочиташь и другое, весьма лестное для меня. Это былъ списокъ съ отвѣта ея на первое:

„Я не довольно еще известна,
„Государь мой! о дѣйствіяхъ вну-
„шаемаго мнѣ вами чувствованія, и
„не могу изслѣдовать съ вами ни
„горестей ни сладостей оного; а сіе
„и не есть предметомъ моего от-
„вѣта. Наиболѣе же прогаешъ ме-
„ня ваша несправедливостъ и чув-
„ствительная печаль, каковую вы
„причисляете доброй моей пріятель-
„ницѣ. Ахъ! чѣмъ она заслужила
„ваше забвеніе, или холодностъ?
„Ужь ли она не столь теперь лю-
„безна, какъ когда вы начали ее лю-
„бить? Ужь ли потеряла справед-
„ливыя права и прелести свои, какъ
„скоро вы приняли на себя обяза-
„тельство и должностъ любить ее
„всегда? Хотя бы я и не знала еще
„спыда и бѣдствія непопулярной
„привязанности, то однако несча-
„стія супруги вашей доставили бы
„мнѣ довольно швердоси воору-
„житься противъ самой невиннѣй-

„шей спраши. Увы! какъ скоро
„пропекли счастливые дни ея! коль
„мало продолжалась любовь ваша! а
„вы осмѣливаетесь обѣщать другой
„вѣчную любовь? ... Ежели красота,
„разумъ, чувствованіе, добродѣте-
„ли, дарованія и пріятства не мо-
„гли утвердить вашего постоян-
„ства, то какъ отваживаетесь еще
„клясться своею вѣрностію? Ахъ!
„начните бытъ вѣрнымъ къ первой
„любви, которую вы образовали;
„оприте слезы, кои вы проливаетъ
„заславили; возвратите достойнѣй-
„шей супругѣ по сердцу, которое
„ей принадлежитъ. За сію только
„цѣну и я съ своей стороны возвра-
„щу вамъ внушенную мнѣ довѣрен-
„ность; но ежели напрошивъ не
„переспанете вы огорчаетъ насъ обѣ-
„ихъ, то не ожидайте отъ меня
„ничего инаго, кромѣ гнѣва, презрѣнія
„и ненависти, ежели только мнѣ
„позволено васъ ненавидѣть; и не
„удивляйтесь, что нѣтъ въ свѣтѣ
„ничего такого, на что бы я не мо-
„гла рѣшилась для удаленія себя
„отъ васъ.„

Въ понедѣль же день, какъ Г. Вальмонъ получилъ сіе письмо, продолжала молодая моя подруга, я нашла въ книжкѣ, подброшенной имъ къ ногамъ моимъ, сію маленькую записочку :

„Вы пребудете, чѣмъ я молчалъ : я вамъ повинуюсь; но ничто не можетъ изпортить изъ моего сердца той сѣрбы, которая его пронзаетъ. Удаленіе ваше только увеличиваетъ мученія мои и Графини. Оспаньпесь. Одни глаза мои будутъ вамъ еще говорить, что вамъ только могу безъ опасенія поклясться въ моей вѣрности.“

Съ того времени, продолжала Сенневиль, Графъ держитъ свое слово сколько, сколько пребудетъ нѣкопорымъ образомъ моя чувствительность, дабы не оскорблять поминутно дружбы моей къ вамъ. Я бѣгала отъ него; но онъ находилъ меня при васъ, и не преспавалъ оправлять удовольствія моего, видѣть васъ, оказую вамъ холодностію и знаками преимущества моего предъ вами.

Сколько его обхожденіе тайнымъ образомъ раздражало меня и мучило, столько ваше заставляло приниматьъ участіе въ судьбѣ вашей, и ежедневно дѣлало васъ любезнѣе и дороже моему сердцу. Присутствіе ваше было мнѣ необходимо нужно. . . и я весьма чувствую, что оно всегда будетъ для меня паковымъ. Душа моя, кажется, совсѣмъ преливается въ вашу; я ничего не вижу, кромѣ васъ, и нѣкоторымъ образомъ живу только вами и для васъ. Привязанность моя къ вамъ чрезмѣрна; я то знаю и признаюсь, и должна за то понести справедливое наказаніе: но нѣжная любовь моя достойна извиненія. Я по добродѣтели вашей сдѣлалась къ вамъ приспрасшною въ любви моей. Я оспавлю васъ, но умру отъ того . . . ибо все мое счастье состоитъ въ томъ, чтобы видѣть васъ. Но я по примѣру вашему чувствую себя довольно сильною на такое пожертвованіе. И сколь счастлива была бы я, ежели бы моею смертію могла вамъ возвратишь то спокойствіе, кошо-

рое похишила у васъ невольнымъ образомъ!

Судите, мой отецъ, о нашемъ удивленіи, когда при сихъ словахъ ея Вальмонтъ бросился къ ногамъ нашимъ. Онъ скрывшись за лабиринтъ, внутри котораго мы находились, слышалъ все нами говоренное. — Нѣтъ, сказалъ онъ, взявъ насъ за руки; нѣтъ, любезнѣйшая и несчастнѣйшая опѣ моего проступка чета! вы не будете разлучены. Сенневиль! вы насъ не оставите . . . скорѣе испоргнушь у меня жизнь. Дайте мнѣ побѣдить себя. Небо свидѣтель мнѣ, что я боролся съ слабостію, прежде нежели ей преданся. Я не рожденъ быль несправедливымъ и порочнымъ; не рожденъ быль причиною вашего несчастія. Я могъ заблудиться; но теперь новый свѣтъ сіяетъ въ глазахъ моихъ и разсвѣяетъ мракъ, въ которомъ я досель погруженъ былъ. Я уважаю добродѣтель . . . ах! даже въ то самое время, когда и восплазалъ прошивъ нее въ разговорахъ моихъ — любезная супруга!

любезная Сенневиль ! я почипалъ ее въ васъ.

Добрая моя подруга и я были въ шакомъ изумленіи, что слушали слова его, не перемѣняя ируднаго его положенія; и онъ уже все сказалъ, а намъ казалось, что еще продолжаетъ говорить. Но молчаніе его, сильное движеніе, пререпѣвъ и волненіе, кои были видимы въ немъ, вывели насъ изъ того оцѣпененія, въ которое мы погружены были. Мы поспѣшили поднятъ его и посадили между собою. Безмолвіе послѣдовало за сими первыми восторгами. Нѣкоторой родъ смущенія разпространялся и разливался между нами. Мысли наши были смѣснены. Мы не говорили ничего онъ избытка маперіи. Наконецъ открылось то чувствованіе, въ которомъ мы были пронзены, и излилось слезами. Мы онъ нужны были для облегченія; и ежели бы сіе положеніе продолжилось болѣе, то я не знаю, не было ли бы сіе опасно въ шакомъ сосояніи, въ которомъ я находилась, и также для младенца,